

Ревитализация села через плановое стимулирование сельской занятости: опыт социалистического хозяйства Китая по Си Цзиньпину¹

Рецензия на книгу: Rural Revitalization in China: A Socialist Road with Chinese Characteristics / Ed. by X. Chen, H. Wei, Y. Song. Singapore: Springer, 2023.

Д. М. Рогозин

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований ИНСАП РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. 119571, Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: rogozin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-314-322

Впервые о сельской ревитализации в Китае я услышал в 2018 году во время научной командировки в Пекин и сельские провинции. С коллегами из РАНХиГС, МГУ, НИУ ВШЭ, Института географии РАН встречались с партийными деятелями, предпринимателями, фермерами, рядовыми (насколько это можно допустить исходя из официального протокола встреч) сельскими жителями. Итогом многодневных поездок, перелетов по Китаю стала российско-китайская конференция в Пекине, на которой были рассмотрены основные аспекты ревитализации. Александр Куракин, активный участник той поездки, предложил перевод как «возрождение», добавив, что англоязычный термин «ревитализация» сложнее и может быть представлен как «оживление» или «активизация»². Действительно, возрождение, оживление, активизация и, добавлю от себя, реализация поручений партии и правительства по развитию сельских территорий и росту благосостояния фермерских хозяйств составляют основу китайских реформ в сельском хозяйстве.

Именно на этом делается акцент в недавно вышедшем сборнике китайских исследователей по сельской ревитализации, как вертикального транзита идей от политической элиты к каждому сельскому жителю, независимо от достатка, образования, семейного положения. Идеи, закрепленные в программных документах, ар-

1. Текст написан в рамках выполнения государственного задания на 2024 г.

2. Куракин А. А. (2018). Китайско-российская конференция «Сельское возрождение» // Крестьяноведение. Т. 3. № 2. С. 188.

тикулированные с трибун первым лицом КП Китая Си Цзиньпин, следует рассматривать не только и не столько как форму своеобразного политического ритуала, сколько как элемент публичного дискурса, конституирующего реалии сельской жизни: социальные идентичности, отношения, системы знаний и значений³. Си Цзиньпин упоминается в сборнике 627 раз. Учитывая то, что текстовый массив состоит из 200 страниц, имя генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая в среднем встречается более трех раз на одной странице. Это самое частотное имя-концепт для всех 10 публикаций, вошедших в сборник, и его упоминание не зависит ни от содержания, ни от формы подачи материала. Имя Си Цзиньпина и есть форма, определяющая содержание, ключ к репрезентации ревитализации китайских сел, а сам сборник — резюмирующее собрание идей национального лидера.

Ориентируясь в совокупном тексте сборника исключительно на имя генерального секретаря как на маркер значимости написанного, можно выделить пять основополагающих вопросов сельского развития Китая, которые объединяют не абстрактные представления о светлом будущем, а конституируемые здесь и сейчас условия развития сельской занятости. Труд на селе — основная тема ревитализации не только с экономической, но и социальной, культурной, этнической и политической точек зрения.

Во-первых, наибольшей значимостью для организации сельского труда выступает четкое и однозначное правовое регулирование отношений собственности на землю, контрактных прав и прав пользования, что объединяется китайскими коллегами в понятия базовой сельской операциональной системы, которая требует одновременных стабилизации и развития (р. 79-104). В отличие от России, слово «реформы» не скомпрометировано в Китае и именно с этим концептом связывается возможность диалектического подхода, заключающегося в постоянных изменениях, сохраняющих устойчивый и неизменный порядок. В основе последнего лежит не проблематизируемое право коллективной собственности на землю. Невозможность приватизации выступает гарантом сохранения единого правового и культурного пространства, в котором земля не может выступать предметом торга и рыночных спекуляций. Интересы и права фермеров защищаются не через закрепление за ними прав собственности, а через установление долгосрочных договорных отношений, которые не изменяются десятилетиями и позволяют на этапе заключения контракта точно понимать, каким образом контрактные отношения будут завершены.

«Углубление реформы системы коллективной собственности в сельской местности, защита имущественных прав и интересов

3. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. (2004). Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ.; научн. ред. А. А. Киселева. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр». С. 109.

фермеров, а также расширение коллективной экономики являются важными мерами, которые необходимо принять для реализации стратегии ревитализации села» (р. 48).

В упомянутой выше поездке в Китай мы посетили фермера-винодела. Организация его винного хозяйства произвела сильное впечатление. Вокруг находились рисовые поля, затопленные водой, а его надел в несколько гектаров был абсолютно сух и полностью покрыт полиэтиленом: снизу, сверху, по краям кустов. Огромная теплица, разделенная на ряды, была пронизана оросительной системой и световыми элементами. Такое технологизированное виноградарство ломало все представления о терруарном производстве вина, традициях, привычных культурных кодах. Договор аренды земли заканчивался у фермера через десять лет, и я спросил, что будет с землей после этого. Фермер ответил, что обязан привести ее в первоначальное состояние. Через десять лет на этой земле можно будет производить все что угодно, и скорее всего вновь будет возделываться рис. Это и есть сохранение неизменного порядка при постоянных унифицированных изменениях.

Во-вторых, на государственном уровне заявляется и всячески поддерживается интеграция село-городского развития, размытие различий в социальных и экономических статусах между городом и селом. Повелительное наклонение (must) в этом контексте воспринимается как естественное и непроблематизируемое. Китай должен разрушить двойственную структуру городских и сельских районов, сформировать равноправные обмены между городскими и сельскими поселениями, справедливое распределение государственных ресурсов и на текущем этапе обеспечить всестороннюю поддержку развития сельских районов (р. 50). Такова генеральная линия партии, требующая лишь операционального воплощения и безальтернативного приложения к действительности.

Высотные дома в районных центрах, полностью забетонированные пространства небольших деревень, в которых стираются различия между частной и общественной территорией и лишь колючая проволока и битое стекло на бетонных оградах указывают на частника, великолепные многополосные автострады, связывающие отдаленные районы, — все способствует формированию единой инфраструктуры хозяйствования, в которой каждый работник должен ощущать свою значимость и сопричастность некоторой высшей идее коллективного целого.

Вместе с тем подчеркивается сохранение сельского уклада, ориентация на локальные культурные традиции, сопротивление всеобщей стандартизации жизни, переносу культа городского независимого проживания в село. Культурное многообразие деревенского быта провозглашается основой для ревитализации села и формирования престижа, комфорта, удобства жизни в сельской местности.

«Урбанизация не уничтожает деревни, а интеграция городских и сельских территорий не означает гомогенизацию деревень и го-

родов. Вместо этого интеграция городских и сельских территорий направлена на дифференциацию и скоординированное развитие городов и деревень, промышленности и сельского хозяйства» (р. 109).

Ключевым в процессе интеграции выступает социальный капитал (р. 116), или система сложившихся десятилетиями отношений, между различными участниками рыночных, социальных и культурных обменов. Социальные связи мыслятся не как фактор коррумпции, блата, теневых операций, а как легальная форма стабилизации отношений, возможности долгосрочного планирования, дисциплинированного исполнения поставленных задач.

В-третьих, постулируется государственный приоритет продовольственной безопасности как локализованной системы производства и дистрибуции сельскохозяйственной продукции внутри страны, полное обеспечение базовых потребностей населения Китая продовольствием собственного производства. Регулярная нехватка продовольствия, порой голод в северных районах Китая рассматривается как временная трудность (на фоне тысячелетней истории), которая, циклично возвращаясь, последовательно преодолевается.

«После реформ и провозглашения открытости экономики (1978) спрос и предложение зерна в Китае пережили четыре этапа: дефицит, баланс, дефицит и непрерывный рост. На первом этапе (1978–1984) проблема поставок продовольствия была в основном решена. На втором этапе (1985–1998) период дефицита сельскохозяйственной продукции закончился. Спрос и предложение продовольствия были в целом сбалансированы, а в обильные годы даже наблюдался избыток. На третьем этапе (1999–2003) производство зерна не могло удовлетворить годовой уровень потребления, и запасы ежегодно сокращались. На четвертом этапе (2004–2015) производство зерна увеличивалось двенадцать лет. Хотя производство зерна увеличивалось из года в год, спрос и предложение на сельскохозяйственную продукцию по-прежнему в основном сбалансированы, но структурно дефицитны» (р. 64).

Последние десятилетия продовольственная безопасность перестала связываться лишь с производством и потреблением зерна. Многовариантные способы удовлетворения потребностей в питании, включение в рацион нетипичных для Китая молочных продуктов, экстенсивное развитие животноводства, фруктовых посадок существенно диверсифицировало и усложнило понимание продовольственной безопасности. Тем не менее оптимизация выращивания и переработки зерна остается важнейшим направлением в укреплении продовольственной безопасности, базовым критерием достижения поставленных партией задач, решаемых через аграрную модернизацию, индустриальную интеграцию, современные технологии и рост качества продовольственной продукции.

Аграрная модернизация при всем сходстве с тем, что происходит в мире, провозглашается как сугубо китайское направление развития (р. 79). Подчеркиваются китайские характеристики последней,

среди которых особо выделяются две: (1) комбинирование централизации и децентрализации управления селом; (2) укрепление роли партии и сельских администраций в текущей жизни села. Человеку из западной культуры, привыкшему к либеральным представлениям о конкуренции, о в меру свободном рынке, установлении цены через равновесие спроса и предложения, трудно воспринять китайскую модель, где в основе лежит многосторонняя договоренность всех участников хозяйственных отношений, устанавливаемая на годы вперед, где во главу угла поставлена социальная модернизация и экономические договоренности скорее поддерживают социальные и политические решения, нежели отражают самостоятельную сферу жизнедеятельности.

В основе достижения продовольственной безопасности лежит масштабирование сельскохозяйственного производства, провозглашенное в 1990-х годах и последовательно развиваемое по сей день (р. 85). Масштабная агрокультура представляет собой комплексное развитие всех видов сельского производства, отказ от доминирующей роли зерновых культур в пользу агрокультурного разнообразия, в котором находится место любым формам земледелия, скотоводства, овощеводства, виноградарства. Единственным условием выступает необходимость сохранения земельных ресурсов и понимание временности частного землепользования. Коллективная форма собственности остается неизменной и не подлежит пересмотру.

В-четвертых, сельское развитие не мыслится в программных документах без защиты окружающей среды и экологической безопасности. Невероятные темпы промышленного производства, огромная концентрация рабочей силы и долгие годы небрежного отношения к окружающей среде привели к тяжелым экологическим последствиям. Маска задолго до пандемии стала постоянным аксессуаром городского жителя в Китае. Поэтому прогнозы развития сельской местности и текущие мероприятия напрямую связываются с решением одной из острейших проблем современного Китая — экологической безопасностью, достижение которой видится через защиту сельского образа жизни и бережного отношения к земле. Но это не развитие «зеленой экономики» по западному образцу, а скорее сдерживание загрязнения и контроль за последствиями роста «производительных сил». Здесь весьма уместен этот марксистский термин, поскольку основная идеологическая основа экологической безопасности по-прежнему определяется марксистским учением.

«По сути, чтобы построить новую деревню, с одной стороны, Китай должен полностью осознать ее долгосрочную, сложную природу. С другой стороны, Китай должен следовать неотъемлемому закону развития деревни, защищать экологическую среду деревни, поддерживать сельскую этику и наследовать сельскую цивилизацию. В то же время Китай должен в полной мере использовать основные принципы и методы марксизма, с всеобъемлющей точки зрения истории и развития и на основе правильного пони-

мания ценности и функции сельского существования, полностью учитывать реалистичные проблемы, возникающие в ходе экономических и социальных преобразований Китая с точки зрения миграции сельского населения в город и структурных изменений сельской популяции» (р. 125).

Экологическая повестка напрямую связывается с понятием природной красоты. То, что красиво, не может быть вредным и разрушительным. Красота приносит мир и благополучие. Отсюда делается вывод об эстетической доминанте в развитии деревни и оправданности формирования и поддержки артистических, художественных практик в сельском строительстве. Искусство должно служить партии и народу. Вновь коллективные решения главенствуют над индивидуальными и общий, утвержденный дизайн поселения определяет и задает внешний вид отдельного дома. Традиционная экологическая китайская культура — слоган, определяющий основное направление рассуждений о будущем села. Технологическая модернизация видится сквозь призму культурной консервации, укрепления традиций и устоев, и тем самым развития «экологической китайской цивилизации» (р. 168).

В-пятых, необходим рост уровня образования на селе среди всех профессиональных сред, но прежде всего среди фермеров. Образование понимается как высшая ценность человеческого существования, приветствуется и поддерживается на локальном и государственном уровнях, становится не правом, а обязанностью граждан, основным ресурсом для преодоления бедности (р. 144-145).

«Только обеспечив справедливое и качественное обязательное образование для сотен миллионов сельских детей, Китай сможет сократить разрыв в доходах, благосостоянии, образовании и возможностях между городскими и сельскими районами и достичь социального равенства; только обеспечив поддержку талантов для синхронного развития индустриализации, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства, Китай может оказать фундаментальную поддержку новой деревне» (р. 142).

Преодоление бедности — один из ключевых вопросов, озвученных Си Цзиньпином. Если по остальным пунктам источниками информации выступают его многочисленные доклады на съездах и конференциях, то вопросу бедности посвящена монография⁴, цитатами из которой перенасыщен текущий сборник.

В упомянутую поездку в Китай мы с российской делегацией и пекинскими коллегами посетили одно из небольших сел в центральной части страны. Очень изрезанная гористая местность открыла неожиданные перспективы в прямом и символическом смысле. С одной стороны, поле вспахивал современный американский трактор с характерной зелено-желтой покраской John Deere.

4. Jinping X. (2014). Up and out of poverty. Pekin: Fujian People's Publishing House.

Сверхсовременная техника, своеобразный космический агрегат, кардинально меняющий роль механизатора, действительно, уничтожающий какие-либо различия между городской и сельской формой работы. С другой стороны, стоило повернуть голову, я увидел поразившую меня картину. Поле вспахивалось вручную, плугом, а запряженной в плуг была не лошадь и не вол, а женщина. Пара с плугом медленно двигалась, другая женщина, стоявшая посередине поля, что-то напевала, ее голос был настолько звонким, что даже через расстояние до нас доносились звуки и можно было различить мотив. Я был настолько поражен, что обратился с вопросом к коллеге из Китая. Она, в свою очередь, удивилась моему удивлению, ситуация была рядовой. Вспахивать вручную порой эффективнее, чем привлекать скот, которого может и не быть. И тянуть плуг легче, чем удерживать его на нужной глубине, потому запряжена женщина, а не мужчина. К тому же женщины меняются, та, которая поет (привет Пугачевой), просто отдыхает.

На такой дистанции без включенного наблюдения, разговоров нельзя однозначно интерпретировать ситуацию. Это может быть и крайняя бедность, и особый тип востребованного и дорогого ручного труда, и некоторый симбиоз труда и дохода или выгоды, извлекаемой из бедности. С такой бедностью, может, и не нужно бороться, она производительна, ее нужно преодолевать, модернизировать, сохраняя традиционный уклад и не нарушая вековые устои. Потому в Китае даже в процветающих провинциях можно увидеть столь контрастную картину сельского производства. И это может быть уже отнюдь не бедность, а разнообразие, диверсификация и современное разделение труда, к которому призывает лидер нации.

Пять основополагающих направлений сельского развития Китая, раскрытых в сборнике, опираются на восемь причин важности села для социально-экономического развития страны. Отвечая на вопрос, зачем столь много внимания уделять селу, авторы сборника своими текстами заявляют, что село — это (1) фундамент для модернизации всей экономики; (2) основа и источник продовольственной безопасности страны; (3) базис для укрепления семьи и семейных ценностей; (4) стимул и причина развития прекрасного в ландшафте; (5) пространство, где формируются условия для развития стандартов жизни всего населения; (6) основной объект пятилетних планов развития; (7) место формирования равенства возможностей; (8) основное поле деятельности по преодолению бедности. Объединяющим мотивом всего повествования и источником для эффективного развития села, в свою очередь, выступают труд и сельская занятость, направленные отнюдь не на снижение миграционных потоков, а на их усиление, на изменение вектора переездов от города к селу. Потому социальная сельская политика в Китае не препятствует, а стимулирует мобильность: трудовую, образовательную, культурную, подчеркивая тем самым приоритет равенства возможностей.

Сборник не репрезентирует реалии китайской сельской жизни, не отражает текущее состояние экономических и социальных отношений и не может служить пособием или дорожной картой (привет современному российскому госуправлению) для понимания происходящих в Китае преобразований. Ценность и практичность представленного материала заключается в точной передаче публичного дискурса, определяющего правильный стиль репрезентации происходящего. Перед нами не панорама китайского сельского развития, а манифест коммунистической партии, определяющий границу между хорошим и плохим, формирующий систему аргументов, которые будут востребованы на всех уровнях китайской власти. Поэтому не случайны не только постоянные ссылки на Си Цзиньпина, но и открытое утверждение, подписанное всем авторским коллективом в прологе:

Книга «Сельская ревитализация в Китае» представляет результаты исследования новых идей Си Цзиньпина об управлении Китаем в области сельского хозяйства и сельских районов, является одним из направлений большого исследования «Изучения новых идей Си Цзиньпина об управлении Китаем» (грант № 16Z2D001), специального проекта по рецепции новой концепции, идей и стратегии управления Китаем Центральным Комитетом КПК после XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии (р. 199).

В конце нашей поездки 2018 года состоялся званый ужин с руководством одной китайской провинции, которому предшествовало официальное мероприятие с жестким регламентом рассадки, порядка выступлений, временем, отпущенным на реплики исходя из ранга участников. Я с коллегами сидел в первых рядах и было спросил, когда можно задавать вопросы, на что получил ответ: вопросы в регламенте встречи не предусмотрены. Но иначе был организован ужин. Это был огромный вращающийся круглый стол, за которым уместилось более пятидесяти человек, уставленный различными яствами, деликатесами китайской кухни. Отдельно разливалась китайская водка и китайское вино, надо сказать, весьма приличное, не уступающее по своим вкусовым свойствам европейским аналогам (привет европейским виноделам).

В отличие от нас, привыкших к общему ведению застольной беседы, тостам, объединяющим всех в едином разговоре, китайское застолье на высоком уровне устроено иначе. Каждый со своим бокалом подходит к любому другому участнику, говорит тост, слушает ответный тост, обменивается репликами, выпивает. Кто-то остается на своем месте, тогда подходят к нему. Возникает с виду броуновское движение, но весьма осмысленное, негромкое, диалогичное, располагающее к откровенным разговорам. Я было подошел к китайскому профессору, но он вежливо напомнил, что и здесь нужно соблюдать ранг и вначале подойти к первому секретарю провинции. Так, не задав вопрос на официальной части, я поговорил с первым лицом за столом, и этот разговор врезался в память.

— Я хочу выпить за великий китайский народ, который смог достигнуть таких невиданных успехов, такого могущества за столь короткий срок, что это кажется невероятным, фантастическим. Мы много где побывали за эти дни, и каждый раз я узнавал что-то новое, необыкновенное, меняющее мои представления о реальности. За китайский народ и его великую миссию в современном мире!

— Я же хочу поднять тост за великий русский народ, который подарил Китаю переосмысленное марксистское учение, сформировал и определил современную идеологию Китая. Для нас большая удача иметь соседа, у которого так много новых идей и который так легко их забывает. Мы, китайцы, всегда готовы подхватить и реализовать задуманное вами, русскими, и всегда будем благодарны и восхищены силой вашего воображения. За великие фантазии русского народа и за его просветительскую миссию в современном мире!

Сборник представляет отражение не сельской, а управленческой, партийной реальности, с ее упрощением, оптимизмом и принуждающей к действию риторикой. Эта риторика неотличима от текстов съездов Коммунистической партии Советского Союза, стенограммы которых издавались огромными тиражами и были доступны в самых отдаленных уголках страны. Партийные книги не пользовались популярностью, в книжных магазинах их предлагали в нагрузку к дефицитным художественным произведениям. И, казалось бы, в этих текстах нет никакой ценности. Но опыт Китая, в частности текущий сборник, ставит под сомнение осмысленность и продуктивность нашего отращения к официальным программным документам. Написанное в режиме начальственного долженствования, намеренного упрощения и идеологического пиетета можно трактовать с позиции либо централизованного и унифицированного насилия, либо прогрессивных реформ по ревитализации чего бы то ни было, направленной на благо всех граждан страны. Написанное можно воспринимать как нечто фантазийное, к чему можно не относиться всерьез, что можно забыть, заняться делом. Но тогда это фантазийное, несерьезное, неделовое будет воспринято другими и реализовано так, что останется только восхищаться и завидовать.

Rural revitalization through the planned stimulation of rural employment: Xi Jinping model of China's socialist economy

Review of the book: Rural Revitalization in China: A Socialist Road with Chinese Characteristics / Ed. by X. Chen, H. Wei, Y. Song. Singapore: Springer, 2023.

Dmitry M. Rogozin, PhD (Sociology), Head of the Laboratory for Field Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration; Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: rogozin@ranepa.ru